

УДК 82 (091) (4 Укр = Крмтат)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XV – XVIII ВВ.

Сейтмгьяев Н. С.

В современных исследованиях по истории крымскотатарской литературы практически не уделяется внимания выяснению путей формирования национальной художественной прозы в средние века и новое время. Настоящая статья представляет собой один из первых шагов в этом направлении. Этим определяется **новизна и актуальность** исследования. **Целью** работы является показ основных элементов, составляющих беллетристическую компоненту так называемых «смешанных» произведений крымскотатарской исторической прозы ханского времени – сочинений крымскотатарских историков классического (XVI – конец XVII вв.) и переходного (конец XVII – XVIII вв.) периодов. Для достижения этой цели выполняются следующие **задачи**: анализируются проявления авторского начала, система персонажей, их ценностная характеристика и формы поведения, психологизм, портрет, пейзаж и интерьер, пространство и время. Работа базируется на теоретических положениях, разработанных Д.С. Лихачевым [1], В.Е. Хализевым [2] и У. Касыбековым [3].

Достаточно яркое проявление индивидуального авторского начала мы видим уже в классический период в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи (XVI в.). Автор выступает не только как повествователь, но и как действующее лицо ряда эпизодов. Однако намного ярче и отчетливее оно проявляется в произведениях переходного периода. К примеру, в качестве мемуариста выступает Абдульгаффар Кырым, рассказывая о нашествии русского войска в 1736 г. и последующих исторических событиях [4: 172 – 184]. С особой силой мемуарное начало проявляется в «Истории» Саид Гирая.

Историк создает нечто подобное романной микросреде: главными героями отдельных повествований исторических сочинений являются ханы и основные фигуры периода их правления: калга, нуреддин, ханский визирь, турецкий султан, великий визирь, военачальники и др. Ведущая роль в произведении отводится правителю. Остальные персонажи вторичны. В переходный период на передний план начинают выдвигаться более низкие по рангу действующие лица (например, Шахин Гирай-султан у Абдульгаффара Кырыми).

Среду исторического сочинения составляет крымскотатарское общество, войско, собирательные образы черкесов, русского, австрийского войска и др. Несмотря на широкий охват событий, среда еще недостаточно дифференцирована. В исторических сочинениях описываются события (иногда на протяжении столетий), затрагивающие судьбы сотен тысяч людей, но число персонажей не очень велико, даже для «Истории» Саид Гирая, являющейся

своеобразным чемпионом по количеству действующих лиц (более ста) при сравнительно небольшом хронологическом охвате событий (1756 – 1758).

Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. составляют действующие лица, приближающиеся по своим ценностным характеристикам ко всем известным литературным «сверхтипам» [см. 2: 198 – 206]. Это, во-первых, персонажи авантюрно-героического склада, восходящие к национальному героическому эпосу и устным историческим рассказам (Эдиге, Шахин Гирай-султан). Во-вторых, герои житийно-идиллического сверхтипа. К их числу относится Сахиб Гирай в проникнутой религиозно-дидактическими идеями «Истории» Нидаи. Чертами этого же типа обладает Мухаммед Гирай IV в сочинениях Мухаммеда Ризы и Хурреми Челеби. К житийно-идиллическому типу приближается также Девлет Гирай у Абдульгаффара Кырыми. Наконец, это антигерои, представителями которых являются, по преимуществу, неверные – их правители, военачальники. Таковы Петр I, австрийский главнокомандующий Хайзар, русские полководцы Галиции и Миних, возглавлявшие походы на Крым («Опора известий» Кырыми). Встречаются также мусульманские антигерои, например, Бакы-бек у Нидаи, турецкий посланник к Ислам Гираю III – кетхуда Ахмед-паша у Сенаи, османский визирь Кара Мухаммед-паша у Мухаммеда Гирая, глава мансурских ногаев Кантимур-мурза в повествованиях Мухаммеда Ризы и Хурреми или Феттах-ага у Саид Гирая. Есть и коллективные антигерои – те же неверные (казаки, русские, калмыки, поляки, австрийцы), а также подданные ханов (черкесы, ногаи).

В исторических сочинениях еще нет сложных литературных типов, однако уже встречаются несовпадающие оценки того или иного исторического персонажа. Так, Мухаммед Риза негативно оценивает участников антиосманского восстания – хана Мухаммед Гирая и его калгу Шахин Гирая. Абдульгаффар Кырыми же, напротив, изображает Шахин Гирая с явной симпатией. Такое различие в трактовках образа одного и того же исторического лица подготавливало почву для создания подлинно живых, жизненных персонажей в литературе.

В крымскотатарской исторической прозе, как и в тюркском эпосе, психологизм представляет собой «логическое и естественное следствие, вытекающее из поступка героя» [3: 42]. Внутренний мир персонажей передается, главным образом, через внешние проявления: эмоционально окрашенный поступок, реплику, молитву. Так характеризуется внутреннее состояние Сахиб Гирая в «Истории» Нидаи. Нередко Сахиб Гирай сам говорит о своих переживаниях. На вопрос Реммаль-ходжи, почему он вздыхает, хан отвечает: « Я увидел плохую примету. Нет худа без добра, но чувствует моя душа, что, вернувшись в здравии из этого похода, я больше вас не увижу. В конце концов, смерть – наш удел. Так простите же мне причиненные вам обиды и не забудьте меня в ваших молитвах» [5: 123].

В высшей степени этикетном произведении Сенаи психологических деталей относительно мало. Однако в переходный период (особенно в произведениях XVIII в.) внутренний мир героев проявляется уже достаточно ярко. Так Мухаммед Риза, обрисовывает в нескольких фразах внутреннее состояние принцев, претендующих на ханский престол. Это позволяет читателю ощутить

всю напряженность ситуации [6: 153 об.]. Интересные детали, позволяющие глубже проникнуть во внутренний мир персонажей, встречаются у Абдульгаффара Кырыми. Например, автор мастерски изображает переживание крымского правителя Джанибек Гирая II. Хана подвели ко входу в султанский шатер. Но тут великий визирь сделал то, что не было принято раньше – снял с его пояса колчан. Джанибек Гирай пришел было в замешательство. Однако ему тут же вручили отделанную саблю, колчан, соболью шубу и прекрасного арабского скакуна, после чего привели на аудиенцию к турецкому правителю. В главе о Хаджи Селим Гирае высокой степенью психологизма проникнута сцена прощания друг с другом крымскотатарских воинов перед отчаянной атакой на «непобедимое» австрийское войско. А внутреннее состояние беспомощных стариков, больных, бедняков и крестьян, вышедших к Перекопу для защиты Крымского полуострова от нападения российской армии во главе с Минихом, в то время как хан с войском находился в персидском походе, подчеркивается обращением защитников с предсмертными покаянными молитвами к Аллаху [4: 118, 131 – 132, 173].

В исторических произведениях классического периода доминирует так называемое ритуальное поведение, отвечавшее литературному этикету эпохи [2: 224]. Таково поведение Сахиб Гирая в «Истории» Нидаи. Он все еще не «спустился на землю», не избавился от «ходуль своего официального высокого ранга в феодальном обществе» [1: 146 – 147]. На прибытие с повинной Ислам Гирая, самовольно провозгласившего себя ханом, крымский правитель отвечает монологом, содержащим наставления и призыв к следованию высшим исламским добродетелям. Затем, после возникновения между ними вражды, уединенная ночная молитва Сахиб Гирая показывает его покорность Божьему промыслу [5: 21 – 22].

Мунший (стилист) дивана Сенаи еще более последователен в приверженности этикету. Все герои – будь то Ислам Гирай-хан, визирь Сефер-Гази-ага или военачальник Тогай-бей – действуют строго в соответствии со своим рангом. В качестве примера можно привести эпизод выезда Ислам Гирая III на войну с поляками – типичное для сочинений муншиев описание. Перегруженное метафорами, эпитетами, гиперболами, оно «втиснуто» в один длинный период. Хан, «уповая на Аллаха, и надеясь на помощь Всевышнего раздали бедным и немощным щедрые подаяния, и полные смирения и покорности отправились в страну врагов веры, и поле исполнения ... хаджет намаза в два режята, и после чистосердечной и искренней молитвы он попросил помощи у святых и самолично вооружился и подпоясался мечем войны и, подобно Саму, с величием и достоинством воссел на своего быстроногого коня, и в присутствии визирей, служащих, улемов и праведников тут и там стали формировать полки и выстраивать их в ряды» [7: 20 – 21].

В конце XVII – XVIII вв. герои все чаще проявляют простые, понятные всем читателям человеческие чувства, никак не обусловленные общественным положением их носителей. В «Истории» Мухаммед Гирая с уст Мурад Гирай-хана, узнавшего, что Хаджи Гирай-султан без промедления принял предложенное ему назначение на крымский престол, срываются проклятия [8: 146]. Много примеров подобной индивидуализации действующих лиц встречается в исторических произведениях середины XVIII в. Абдульгаффар

Кырыми в «Опоре изветий» приводит рассказ, свидетельствующий о том, что Ислам Гираем III в войне против Польши отчасти руководило чувство мести. В молодости принц находился в польском плену. Однажды он во главе собранных в Польше двух тысяч татар участвовал в походе против казаков. На совещании перед битвой шляхтичи позволили себе оскорбительные высказывания в адрес ханского сына. Узнав об этом, Ислам Гирай, по его собственным словам, заплакал от позора и обратился к Аллаху с мольбой об освобождении из плена [4: 124 – 125].

Портрет не является неотъемлемым элементом повествования крымскотатарских исторических произведений XVI – XVIII вв. Тем не менее в некоторых из них встречаются описания внешности персонажей. В классический период мы сталкиваемся с идеализирующим портретом. Например, в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи дается такого рода экспозиционное описание крымского правителя: «Его прекрасный лик – сияющее солнце. Увидевшие его лицо приходят в изумление. Ему тридцать лет, на челе его венец государства. Его пурпурноалая, красная-красная одежда полностью татарская. Его слова оживляют мертвеца» [5: 19].

В произведениях конца XVII – XVIII вв. нечастые портретные характеристики, как и в предшествующий период, локализованы в одном месте, но они даются уже не экспозиционно, а там, где этого требует сюжетный замысел писателя. Так, Абдильгаффар Кырыми описывает внешность Мухаммед Гирая II в рассказе о взятии им Астрахани. Астраханский праитель Ягмурджи-хан спрашивает послов о внешнем облике крымского правителя для того, чтобы в соответствии с обычаем татар по внешности составить представление о его характере. Послы описывают его как льва среди людей, но очень тучного, настолько, что он, не будучи в состоянии передвигаться верхом, вынужден пользоваться арбой. Узнав об этом, Ягмурджи в письме «потечески» советует Мухаммед Гираю ездить на лошади, а не на арбе. Оскорбленный крымский хан организовал поход и покорил Астрахань. «Где же ваш наездник-хан?» – спросил он у подданных бежавшего Ягмурджи. После их объяснений он задал им риторический вопрос: «Так что же, по-вашему, лучше: ездить на арбе и завоевывать страны или убежать верхом?» [4: 112].

Важной чертой крымскотатарской исторической прозы переходного периода стало появление в ней гротескного изображения внешности персонажей. Это характерно для «Истории» Саид Гирая. Например, он дает описание Чоюнчи-мурзы из едисанского племени кышлык: «Его рост – шпиль минарета, его уста – пещера. Он – белолобый и краснолицый степной дикарь слова которого никому не понятны ...» [9: 103 об.].

Интерьер и пейзаж, как и портрет, не были неотъемлемым элементом крымскотатарской исторической прозы в XV – XVIII вв. Одним из объяснений подобного положения может быть то, что действие исторических произведений разворачивалось в хорошо знакомых читателю местах. Поэтому авторы, обозначая город (село, местность, крепость, дворец и т.п.), не считали необходимым уделять внимание их описанию. Даже в тех случаях, когда читатель мог быть неосведомленным о месте, в котором разворачивалось то или иное событие, в исторических сочинениях дается не его описание, а какой-нибудь известный из литературы или практики географический ориентир.

Типичный пример такого рода обозначения находим у Абдильгаффара Кырыми: «Они миновали укрепление перед мощной крепостью Качаник и спустились в степь, вблизи которой пребывал австрийский военачальник» [4: 131].

В произведениях муншиев, а также авторов, следовавших их традициям, в соответствии с канонами придворной прозы, название населенного пункта, крепости, города, того или иного важного географического объекта употреблялось вместе с эпитетами или сравнениями, которые, хоть и были общепринятыми, повторяющимися, тем не менее, способствовали воссозданию в сознании читателя определенного типа города, крепости, реки и т.п. Например, в «Истории» Сенаи Бахчисарай назван «украшающим рай» (“*Vağçes-saray-i behişt ârây*”), Днепр (Озю) уподобляется «нильскому морю» (“*manend-i bahr-i Nil olan*”, “*manend-i deryâ-yi Nil olan*”), а Чуфут-кале сравнивается с горной вершиной (“*manend-i kuh-sârdır*”) [10: 173, 184, 186, 187, 189]. Похожие характеристики содержатся и в «Семи планетах» Мухаммеда Ризы. Рассказывая о крепости Кырк-Йер и Солхате, он не дает их описаний, а ограничивается замечаниями типа «прочная крепость и неподражаемая» или «великий город, окруженный прочной крепостью» [6: 38, 38 об.]. Более развернутые описания, напоминающие отчасти городской пейзаж и интерьер, встречаются в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи, приближающейся к художественной прозе дивана:

«Затем он принялся за Бахчисарай и устроил населенный птицами сад, а посередине его построил подобный раю дворец, увидев который Шеддад бы высказал одобрение. Его павильоны, галереи, залы, двор наполнены челядью и привратниками. Во все стороны проведена оживляющая вода. Подобно лику красавицы, повсюду улыбаются луга и лужайки, тополя, гранат и жасмин. В этом приятном месте он устроил высокое местопребывание, которое напоминало сад Ирема, а вблизи этого дворца он построил благородную соборную мечеть – приятное место собрания, для осмотра которой приезжали отовсюду. И назначив затем мудерриса, построил рядом с ней баню, о которой говорили во всех краях, а напротив нее возвели дома, открытые беседки. За несколько месяцев <Бахчисарай> превратился в радующий город, а благодаря двусторонним лавкам, развернулась торговля» [5: 25].

Опираясь на опыт героического эпоса и поэзии, крымскотатарские историки XVI – XVIII вв. осваивают пространство и время в формах, соответствующих жанровым особенностям создаваемых ими произведений. В рассматриваемых нами текстах преобладает историческое и суточное время [см. 2: 247 – 249]. Историческое время оформляется словами «в дату (тарих)». Например, «в дату от рождения Исы, мир ему, в тысяча семисотый год», «в дату девятьсот пятьдесят седьмого (года)», «в дату 716 (года)» и т.п. [4: 100; 11: 30 об.; 12: 6]. Иногда вместо слова «дата» («тарих») используется слово «год» («сене»), и тогда фраза принимает вид «в год ...» [10: 173, 201, 218]. Имеются также случаи использования обоих названных слов: «в дату (тарих) ... года» [10: 184]. Иногда указываются более точные реальные временные координаты исторических событий. К примеру, Сенаи в своей «Истории» бои за Избараш расписывает по дням недели [10: 204 – 208]. Суточное время в исторических сочинениях – это прежде всего время вставных рассказов в теварихах, а также время развернутых повествований о жизни героя в сочинениях жанра терджиме. Это время лишено

исторической конкретики и сакральной «неприкосновенности». Его течение в произведении может убыстряться и замедляться. Иногда временные промежутки «расширяются», характеризуясь более или менее детально, а иногда предельно «сжимаются», передаваясь несколькими штрихами. Так, в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи время суток неоднократно обозначается следующими фразами: «на рассвете», «настало утро», «настала ночь», «той ночью», «настало время послерассветной молитвы духа» [5: 22, 28, 48, 60, 88]. Похожая характеристика относительно небольшого временного промежутка дана в рассказе о Шахин Гирай-султани «Опоры известий»: «... они шли в надежде дойти ночью, но утро озарило землю», «... ночью остановились у речки Фындыклы», «...утром тронулись в путь» [4: 119, 120]. Иногда время «сжимается» – действие развивается более динамично, а время, соответственно, становится более быстротечным. В таких случаях меняется его обозначение. Например, у Нидаи: «на следующий день», «три дня спустя», «в тот день», «однажды», «в один из дней» [5: 28, 30, 34, 35, 37]. Такие особенности свойственны и сочинениям Мухаммед Гирая («на следующий день, на рассвете», «после великой резни, продолжавшейся в течение двух часов»; «в один из дней ... отправились в путь», «на пятьдесят первый день ...») [8: 143 – 145] и Саид Гирая («утром, в момент отправки в путь»; «в тот день», «два дня спустя», «... за пять-десять дней добрался до Акмесджида») [9: 89 об., 90, 93].

Суточное время исторических сочинений значительно ближе к вымышленному времени художественной прозы, чем историческое. Однако и историческое время теварихов – это не простое исчисление лет, месяцев и дат. По роли в организации сюжета крупных исторических сочинений оно часто приближается ко времени космическому. В этом случае описываемые в них события соотносятся с важнейшими, с точки зрения автора, явлениями: сотворением мира и первого человека, с потопом, с хиджрой пророка Мухаммеда и т.п. Такой прием позволяет выразить мусульманские идеи относительности, быстротечности бытия. Историческое время, выстраивая события в четкую последовательность, организует суточное время и реабилитирует вымышленное время вставных рассказов, превращая эти виды времени и события, в нем протекающие, в часть вселенской истории.

Пространственные картины в исторических сочинениях конкретны, реальны, географически точно определены. Выше отмечено, что пространство в исторических сочинениях не требует вымысла или домысливания поскольку действия происходят в хорошо известных читателям местах. Однако главной причиной отсутствия развернутых картин в художественном воспроизведении пространства является динамизм повествования произведений крымской исторической прозы. Быстрота изменения событий в них не оставляет простора для монотонности статического описания местности, города, крепости, географического объекта.

Действия в произведениях крымско-татарской исторической прозы организуются по хроникальному принципу. Эпизоды следуют один за другим, но, в отличие от эпоса, они не подчинены жесткой причинной обусловленности. Ощущение целостности повествования обеспечивается общей эмоциональной окрашенностью. В общей тональности произведений постзолотоордынского и классического периодов драматические начала сочетаются с героическими (что

сближает их с героическим эпосом), а в произведениях переходного периода можно увидеть значительную широту диапазона тональностей – от героики, драматизма и трагизма до юмора, сатиры, иронии и сарказма.

В сюжеты произведений иногда проникают элементы многолинейности. Действия главных персонажей выстраиваются в самостоятельные, пересекающиеся друг с другом линии. Так, в «Истории» Сенаи можно выделить линии сюжета, связанные с действиями Ислам Гирая III и Тогай-бея. В сочинениях Абдулгаффара Кырыми, Мухаммеда Ризы и Хурреми Челеби примером многолинейного сюжета являются главы, посвященные описанию перипетий периода правления Селямет Гирая I (1608 – 1610), Джанибек Гирая II (1610 – 1623, 1624, 1628 – 1635) и Мухаммед Гирая III (1623 – 1624, 1624 – 1628). Здесь можно выделить линии, связанные с Селямет Гираем, Джанибек Гираем, Мухаммед Гираем и Шахин Гирай-султаном [4: 118 – 122; 6: 62 – 64 об.; 11: 64 – 69].

Во всех исторических произведениях действие развивается энергично и динамично, что, несомненно, вытекало из свойственного тюркским народам художественного способа восприятия мира. Поэтому в крымскотатарских исторических сочинениях действие (поход, бой, возвращение, диалог и т.п.) доминирует над статическими описаниями: портретом, пейзажем и интерьером. Как и в героическом эпосе, человек изображается «в столкновениях, конфликтах, которые служат главным средством раскрытия его характера» [3: 32, 42, 44].

Таким образом, авторы крымскотатарской исторической прозы, продолжая и развивая традиции устной народной прозы, творчески перерабатывая художественный опыт других литератур мусульманского Востока, создали самобытный, многогранный художественный мир. В национальных исторических сочинениях ханского времени мы видим яркие примеры проявления авторского начала, в XVI – XVIII вв. происходит процесс индивидуализации персонажей. Это проявляется в разрушении средневекового этикета. Второстепенные по рангу литературные герои выходят на передний план повествования. В переходный период в действиях, репликах, молитвах персонажей ярко проявляется их внутреннее состояние. Разрушение средневекового этикета отчетливо видно в развитии такого важного элемента повествования как портрет. Крымскотатарские историки XVI – XVIII вв. осваивают пространство и время в формах, соответствующих жанровым особенностям создаваемых ими произведений. В построении сюжета произведений национальной исторической прозы, по сравнению с героическим эпосом, появляются новые черты, диктуемые набирающей силу эстетикой и поэтикой нового литературного художественного восприятия. Это проявляется, например, в том, что целостность повествования обеспечивается не жесткой причинной обусловленностью эпизодов, как в эпосе, а общей эмоциональной окрашенностью произведения. Перечисленные факты позволяют говорить о том, что историческая проза ханского времени была одним из важнейших элементов системы «литература Крымского ханства», в котором происходило формирование основ крымскотатарской художественной прозы новейшего периода.

Литература

1. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 254 с.
2. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
3. Касыбеков У. Народные эпические традиции и генезис кыргызской письменной прозы. – Бишкек: Илим, 1992. – 126 с.
4. Kıymî el-Hâcc Abdülğaffâr. ‘Umdetü’t-tevârih / N. Asım Bey tarafından bir Medhal ve İlavelerle neşrolunmuştur: Türk Tarih Encümeni Mecmuası’nın ilâvesi. – İstanbul, 1343 (1927). – 207 s. (на османско-турецком языке).
5. Târîh-i Sâhib Giray Hân (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 à 1551) / Edition critique, traduction, notes et glossaire Ö. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – 313 s.
6. Hâcî Kasımzâde Mehmed Rızâ. Sab’al sayyâr fî ahbâr-i mulûk al-tâtâr. – Süleymaniye kth. Hamidiyye, 950. – 178 yk. (рукопись; на османско-турецком языке).
7. Крымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов / Пер. с османско-турецкого К. Конгурата (К.Усеинова). – Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. – 72 с.
8. Köhbach M. Der Târîh-i Mehmed Girây – eine osmanische Quelle zur Belagerung Wiens durch die Türken im Jahre 1683 // Studia Austro-Polonica 3. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellockiego, DCLXXII, Prace Historyczne, Zeszyt 75. – Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellockiego, 1983. – S. 137 – 164.
9. Sa’îd Giray b. Sa’âdet Giray Han. Ta’rih-i Sa’îd Giray Han. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. – Bl. 87a – 135a (рукопись; на турецко-османском языке).
10. Туранли Ф.Г. Літописні твори М. Сенаї та Галим Султана як історичні джерела. – К., 2000. – 311 с.
11. Hüremî Çelebi. Târîh-i Hânân-ı Qırım. – Библиотека Бахчисарайского дворца-музея. Архив. № 150. – 78 л. (рукопись; на османско-турецком языке).
12. Kefevî İbrahim Efendi b. Ali Efendi. Tevârih-i Tatar Han ve Dağistân ve Moskov ve Deşti Qırçaq ülkeleriniñdir / Haz. ve İlk Söz’ü yazan: Qırım b. Seydahmet. – Pazarçiq, 1933. – 77 s. (на османско-турецком языке).

Статья поступила в редакцию 20.03.2005